

Развитие личности в контексте школьного образования

Ирина Волкова

ШКОЛА 1937 ГОДА ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА (по архивным материалам)

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимоотношений ключевых участников учебно-воспитательного процесса печально знаменитого 1937 г. отечественной истории, главным политическим событиям в жизни государства, их отражению в школьном сообществе и воздействию на сознание учащихся.

Ключевые слова: участники учебно-воспитательного процесса; события 1937 г.; воздействие на сознание учащихся.

Abstract. The article is devoted to the investigation of mutual relations of all main participants of educational and teaching process in sadly famous 1937 year of national history, to the main political events in the states life, their reflection in schools community and their influence on the pupils consciousness.

Keywords: main participants of educational and teaching process; events of the year 1937; influence on the pupils consciousness.

На фоне разброса мнений в отношении сталинской эпохи – сверхсложная задача выработать конвенциональный подход

1937 год давно превратился в имя нарицательное, отложившись в громадном массиве оценок и мифологем, созданных как апологетами сталинской империи, так и ее непримиримыми обличителями.

На фоне столь громадного разброса мнений в отношении сталинской эпохи и этого конкретного года выработка конвенционального подхода является сверхсложной задачей. Тем не менее она выведена в практическую плоскость сформулированным запросом государственных структур и ряда общественных объединений на единую согласованную концепцию истории в школьной программе. В более широком контексте формирование такого подхода может способствовать преодолению глубокого идейного раскола российского социума, хотя бы и в удаленной перспективе.

В научно-исследовательском плане на заданную сверхзадачу работает герменевтическое погружение в каждую из значимых институциональных сфер общества, с выявлением ее внутренней логики развития, мотивов, интересов и взаимных пересечений ключевых социальных агентов. Применительно к изучению советской школы эта исследовательская стратегия способна проложить путь к снятию логического противоречия, неизбежно возникающего при попытке связать издержки «большого террора», затронувшего самые разные слои общества, с массовым героизмом советских людей, особенно молодого поколения, на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны.

В самом деле, почему в 1937 г., в условиях «перегрева» и утраты управляемости карательной машины, лишившей одних детей родителей, вселившей страх и ужас в других, не произошло обвального крушения верований молодого поколения? Почему большинство из тех, кто стал равнодушным свидетелем или жертвой беды, не стало сводить счеты с системой? Более того, многие из них добровольно влились в ряды защитников системы в годы войны.

Изучение под заявленным углом зрения советской школы, переживавшей в середине и второй половине 1930-х гг. серьезные трансформации, имеет еще одно актуальное измерение. Несмотря на то что школа являлась подсистемой социума, она обладала определенной автономией и имела собственный ресурс, позволявший интенсифицировать либо спускать на тормозах исполнение директив, направляемых сверху. Для ответа на поставленные вопросы эти механизмы искажения представляют особый интерес.

Почему в 1937 г. не произошло обвального крушения веры?

Историческая
реконструкция
постановки
школьного дела

Несмотря на принципиальные различия в целях и социально-политическом контексте школы настоящего времени и школы 1930-х, ей по-прежнему остаются присущи внутриинституциональные способы корректировки посылов общественного или государственного заказчика.

Историческая ретроспекция на эту тему дает материал для размышлений всем субъектам, вовлеченным в планирование и мониторинг школьного дела на нынешнем этапе.

Выделим те события, которые наиболее ярко отразили взаимосвязь школьной жизни с ключевыми событиями и процессами жизни страны. Это, во-первых, внедрение в педагогическую практику партийно-правительственных предписаний середины и второй половины 1930-х гг., превращавших школу в самый эффективный и всеобъемлющий рычаг по «форматированию» и подготовке молодого поколения к задачам труда и обороны (об обеспечении всеобщего обучения детей и подростков, широком развертывании сети внешкольных образовательных учреждений, усилении идейно-патриотической составляющей воспитания, преодолении так называемых педологических извращений, искоренении второгодничества и третьегодничества, детского хулиганства и безнадзорности). Во-вторых, это преломление в школьной жизни развязанного властью «большого террора». В-третьих, отклик школы и школьников на заглавные юбилейные даты года: двадцатилетие Октябрьской революции и столетие гибели Пушкина, которые были превращены в грандиозные манифестации культурной памяти и патриотизма советского народа.

Необходимость
воссоздания
объективной
истории

Воссоздать объективную картину позволяют две параллельные репрезентации. Первую представляют документы Московского комитета и Московского городского комитета комсомола*, рассекреченные в 1995 г. и еще не введенные в научный оборот. В этот корпус документов входят: докладные записки, информационные сводки, протоколы заседаний секретариата и бюро городского комитета комсомола. В свою очередь, эти материалы городского аппарата опирались на подробные отчеты и донесения снизу, от комсorgh посланцев ЦК ВЛКСМ, действовавших в 1937 г. в каждой школе.

Суммирование персональных сведений позволяет набросать обобщенный портрет такого функционера: это человек в возрасте от 20 до 30 лет, со средним или

* Далее – МК и МГК.

незаконченным высшим образованием; по происхождению – из рабочих служащих или беднейших крестьян, имевший стаж работы на производстве или в аппарате комсомола. Комсорги непосредственно подчинялись высшим инстанциям своей организации и не были связаны с педагогическим коллективом. Они являлись не только независимыми наблюдателями и хроникерами мало-мальски значимых происшествий. Нередко они выступали суровыми критиками работы школы и дотошными «замерщиками» умонастроений внутри детского и взрослого коллективов школ.

Личная
заинтересованность
активистов

Материалы МК и МГК указывают на личную заинтересованность комсоров в расширении рамок и активизации деятельности. Практически каждое собрание, проводимое в аппарате с участием комсоров, отдельным пунктом повестки дня рассматривало многочисленные заявления от них о выделении материальной помощи по семейным обстоятельствам, путевок в санаторий или в дом отдыха, удовлетворение которых зависело, в числе прочих факторов, и от показателей личной эффективности работника. Отличившийся на низовом уровне комсорг мог рассчитывать на карьерный рост внутри ВЛКСМ. Не следует скидывать со счетов и идейные мотивы, подвигавшие таких людей проявлять повышенное рвение в выявлении нарушений нормативных порядков и антисоветских настроений внутри школы. Именно комсомол на протяжении этого года продавливал инициативы, будоражившие учительскую общественность и органы руководства народным образованием.

Органы народного
образования Москвы

Документы органов народного образования Москвы составляют вторую репрезентацию – районных и городского отделов народного образования*: отчеты, стенограммы совещаний, приказы. Педагоги и руководители московского образования, по определению, вовсе не одобряли комсомольского куража в политизации школы. Данные документы отличает стремление к сглаживанию острых углов, стремление не преувеличивать уровень общественной опасности тех или иных инцидентов в школьном сообществе. В одних случаях это было обусловлено корпоративной самозащитой; в других – намерением отстоять сугубо учебную функцию школы и оградить территорию детства от травматического воздействия социума.

Оценка мотивов
и действий каждой
из сторон

Но даже с учетом отмеченной диспозиции оценка мотивов и действий каждой из сторон по двухполюсной

* Далее – роно и Мосгороно.

шкале «злокозненности» и «благонамеренности» была бы явно несостоятельной. Хотя бы потому, что зафиксированные комсоргами на микроуровне педагогические ошибки и должностные преступления против детей, на макроуровне оборачивались каталогом неполадок в школьном деле, который ориентировал органы народного образования на проблемные участки работы.

К примеру, в конце января 1937 г. в фокус внимания комсомольского актива попало происшествие в клубе при Троицкой загородной больнице, где 24 января собралось около трехсот детей с оплаченными билетами на кинофильм «Борьба за Киев». Заведующий клубом не пускал большую толпу в фойе, а держал на узкой лестнице. Когда же дети стали добиваться открытия прохода в фойе, он вообще заявил, что кино отменяется. Когда они потребовали вернуть им деньги, мужчина рассвирепел и толкнул ребят, стоявших на верхних ступенях лестницы. Они полетели вниз, увлекая за собой стоявших сзади. Возникла давка, в которой двое погибли, а семеро были доставлены в больницу с тяжелыми травмами. Виновник трагедии был сразу же арестован: на 1 февраля был назначен показательный открытый суд над ним по месту работы. Не приходится сомневаться в жестком обвинительном приговоре суда, устроенного на высшем градусе общественного возмущения и родительского горя. Отметим интересную деталь: в докладной записке указывалось, что местная комсомольская ячейка до этого случая уже направляла ходатайства в партком о принятии мер к разнузданному заведующему. После произошедшей трагедии отсутствие оперативной реакции на эти сигналы становилось поводом для организационных выводов. В тексте докладной записки указано, что уже 26 января бюро местного райкома партии обсудило этот случай на своем заседании и наложило строгое взыскание на лиц, не давших хода информации комсомола о неблагополучном положении дел в клубе [1, л. 8]. Огласка всей этой ситуации, по сути, взламывала круговую поруку между партийным руководством и администрацией клуба. Она же служила предостережением на будущее тем функционерам, которые по тем или иным причинам покрывали огрехи своих протеже или подчиненных.

По канонам современного гражданского общества прецедент столь скорой расправы с виновным явно находится вне правового поля: поспешный суд без изучения доказательств вины и без нормальной защиты обвиняе-

мого выглядит как проявление произвола. Однако риску заметить, что с позиций утверждения норм социальной справедливости и неотвратимости наказания за преступление такой оборот дела имел больший эффект, чем многие из нынешних резонансных дел, где жертвами халатности или нарушения должностных инструкций стали дети.

Злоупотребление
учителями властью

Комсорги выявляли и другие случаи злоупотребления учителями властью. Вот пример: учительница 285-й школы Ростокинского района Е. И. Жебровская систематической травлей довела шестиклассницу Ларису Коростелину (кстати, дисциплинированную ученицу и отличницу) до суицидальной попытки. МГК взял расследование под контроль, что не позволило «замять дело» и угрожало виновнице суровой карой. Это хорошо осознавала и сама учительница. По показаниям информанта, ее допрос на момент «раскрытия» истории был невозможен, поскольку «она в связи с этим случаем все время находится в полусознательном состоянии» [1, л. 21]. Другая попавшая в информационные сводки МГК попытка самоубийства тринадцатилетней девочки из 169-й школы Свердловского района, вызванная ее растлением взрослым соседом по коммунальной квартире и наступившей беременностью, также выставляла педагогов в невыгодном свете: в течение долгого времени они не замечали изменений в настроении и поведении ученицы, не интересовались ее семейно-бытовыми условиями. А ведь первая попытка ее изнасилования тем же гражданином была зафиксирована еще три года назад [Там же, л. 23].

Правонарушения
и преступления,
совершаемые
подростками

Сводки головного подразделения городского комитета комсомола содержали также информацию о правонарушениях и даже тяжких уголовных преступлениях, совершенных подростками. Некоторые из описанных историй не уступают триллерам. Так, в группе малолетних преступников из Красной Пахры, промышлявших разбоями и грабежами, после очередного ограбления вспыхнула ссора. Один из них, тринадцатилетний беспризорник Вася Майоров, остался недоволен выделенной ему долей и пригрозил поделщикам выдачей. Те, не дрогнув, зверски забили его, закопали в снег, а затем сбросили в прорубь речки. В поселке они объяснили исчезновение товарища тем, что он ушел вместе с красноармейцами после зимних учений. Правда открылась весной, когда рыбаки обнаружили тело подростка. Несовершеннолетние убийцы были арестованы. Однако комсомол поставил вопрос об ответственности каждой из

Проблемы детской
беспризорности
и безнадзорности

организаций, в компетенции которых находилась работа с детьми. Речь шла о Калужском детском приемнике, из которого многократно сбежал Вася Майоров, о местной школе и отделении милиции, в поле зрения которых длительное время находилась банда [1, л. 49–51].

Можно предположить, что накопление определенного количества похожих происшествий и получение реакции на них со стороны ответственных органов побудило МГК в начале января 1937 г. всерьез заняться проблемой детской беспризорности и безнадзорности. Была проведена собственная выборочная проверка неблагополучных подростков, результаты которой обсуждались на расширенном совещании в МГК от 3 февраля. Итоги проверки дискредитировали многие органы образования и правопорядка. Так, комсомольский рейд по семьям, взявшим опеку над детьми, выявил 89 случаев, где «опекуны... должны быть судимы по советским законам». Также около 2 100 трудных подростков, которые в 1936 г. были отсеяны школой и определены в фабрично-заводские училища или на дозаводское обучение, не встали на путь исправления. «Мы имеем дело с более или менее сложившимися малолетними преступниками, имеющими несколько приводов [в органы милиции, – свыше двух тысяч человек таких ребят», – констатировал один из выступавших].

Самоустранение
школы
от воспитания детей
с уголовными
наклонностями

Причиной такого положения дел комсорги считали самоустранение школы от воспитания в целом и от перевоспитания детей с уголовными наклонностями: «Наши ребята приходят, уговаривают директора принять исключенного ученика и встречают противодействие. Казалось бы, директор, органы народного образования и комсомол бьют в одну точку, а получается наоборот» [2, л. 45–47]. Комсомольская организация считала, что необходимо расширить участие комсомола в воспитании на самых проблемных участках. Резолюция бюро МГК предусматривала направление активных членов молодежной организации в детские дома Москвы и Московской области в качестве заместителей директоров по воспитательной работе и воспитателей; отбор десяти проверенных человек от каждого райкома, желательно прошедших срочную службу в армии, для работы в детских комнатах милиции; создание при роно и Мосгорно подразделения Детской инспекции с делегированием туда комсомольских работников [Там же, л. 16, 45]. Комсомольцы выражали готовность провести сплошную проверку учеников, отчисленных из школы за неуспеваемость и поставленных на учет в органах

милиции за хулиганство. Они обещали встроить их заново в учебный процесс, а в дальнейшем – вести постоянное наблюдение за их учебой, работой, если те определялись на производство, поведением и культурно-бытовыми условиями [2, л. 1–2, 15–16].

Идея самоочищения образовательных учреждений от лиц, непригодных к воспитательной работе

Массированное вторжение в пространство школы, осложненное межведомственной кооперацией комсомола и органов милиции, встревожило руководительницу московского образования Л. В. Дубровину, которая была приглашена на совещание. В противовес планам комсомола она выдвинула идею самоочищения образовательных учреждений от лиц, непригодных к воспитательной работе. По ее словам, группа директоров и учителей Москвы уже была подвергнута дисциплинарным взысканиям, а некоторые даже привлечены к уголовной ответственности за развал воспитательной работы. В подтверждение она приводила факт разоблачения директора 529-й школы Кировского района, на поверку оказавшегося контрреволюционером, выдавшим в 1920 г. коммуниста белым [Там же, л. 56].

Проблемы второгодничества и трудных детей

Думаю, что беспокойство Л. В. Дубровиной было в большей мере обусловлено той напряженностью, которую создавали противоречивые установки «заказчика». С одной стороны, перед школой была поставлена задача преодоления второгодничества и третьегодничества и развертывания социалистического соревнования за максимально высокую успеваемость, с другой – на школу под прикрытием комсомольских «заградотрядов» надвигался арьергард из трудных, хронически неуспевающих учеников, что угрожало результатам соревнования.

Детская беспризорность – проблема того времени

Неожиданно для школьного начальства города солидарно с комсомолом выступила представительница Наркомпроса – известный эксперт и практик по борьбе с детской беспризорностью А. С. Калинина. На совещании, спешно собранном в городе 5 февраля 1937 г., она заявила, что отдел охраны детства явился для руководителей народного образования «пасынком». Она привела статистику: 10 тыс. опекаемых московских детей, а также более 800 малолетних уголовных правонарушителей, стоящих на учете в милиции, нуждаются в контроле органов народного образования [3].

Комсомол взял на себя ответственность за внешкольное образование

Такая поддержка вдохновила комсомол продолжить наступление на руководство образования. Теперь он занялся перестройкой внешкольного образования. В постановлении МГК от 5 апреля 1937 г. резко критиковалась ориентация Московского дома пионеров на работу с одаренными детьми, превратившая его, по мнению

комсомольцев, «в полушкольное учреждение, закрытое от массы детей». Утверждалась необходимость расширения доступа к дополнительному образованию всех детей (особенно тех, кто уже имел нелады с законом и моралью). Составители резолюции определили стиль работы директора Дома пионеров Паншина как «педологическое извращение», выражавшееся в дифференциации детей по способностям* [4, л. 130–131]. На состоявшемся в мае 1937 г. совещании руководителей роно Л. В. Дубровина повторила характеристику стиля деятельности Центрального дома пионеров как «своего рода педологию, но с другого конца» и указала на необходимость расширения сети внешкольных образовательных учреждений [5, л. 22–23].

Комсомол опережал структуры управления образованием

Сравнительный анализ архивных материалов двух ведомств показал, что по ряду проблем работы с подрастающим поколением комсомол опережал структуры управления образованием. Формируя повестку дня, он продавливал обсуждение острых вопросов воспитания и преодолевал глухое сопротивление педагогической среды. Можно говорить об институциональном конфликте, который обозначился уже в первые месяцы 1937 г. Комсомол вскрывал факты педагогических недоработок и воспитательного брака, которые учительство предпочитало оставить в тени, искал конструктивное решение каждой проблемы и принимал на себя значительную долю ответственности за исход дела. Это особенно ярко проявилось в противодействии детской безнадзорности, преступлениям взрослых против детей, а также в борьбе за реализацию права каждого ребенка на школьное и дополнительное образование.

Комсомол выполнял идеологический заказ системы в учебно-воспитательной работе школы

Безусловно, включение комсомола в учебно-воспитательную работу школы в 1937 г. выполняло идеологический заказ системы, но члены ВЛКСМ искренне верили в возможность «переделать мир» и прилагали к этому все силы. К примеру, во время Пасхи, выполняя установку секретариата МГК «отсосать молодежь во время пасхальных дней от церкви», они развернули широкую досугово-развлекательную программу для школьников, которая включала в себя экскурсии, просмотр кинофильмов «Праздник святого Йоргена», «Овод» [6, л. 141–142]. Во втором полугодии 1937 г., реализуя при-

* *Педология* (греч. pais, родительный падеж paidos – дитя + logos – наука, учение) – комплексная наука о ребенке, популярная во всем мире. В СССР она была запрещена в июле 1936 г. постановлением «О педологических извращениях в системе Наркомпросов».

Комсомол пытался
организовывать
детский отдых

зыв наркома обороны К. Е. Ворошилова дать «каждой школе, каждому пионерскому отряду кружок авиамоделистов», городская комсомольская организация энергично занималась организацией авиамodelьных кружков, клубов и соревнований юных покорителей неба [7, л. 1а–3]. Масштаб этого проекта требовал серьезных материальных затрат и кропотливой работы по координации усилий множества людей: поставщиков материалов, инженеров, техников, инструкторов и педагогов.

С не меньшим энтузиазмом в канун лета 1937 г. комсомол трудился над подготовкой полезного и интересного детского отдыха. Были проведены циклы занятий для вожатых пионерских лагерей и городских форпостов, на которых комсомольцы осваивали гигиену, учились организации спортивных и культурно-массовых мероприятий, экскурсий и натуралистической работе на природе. И, конечно, слушали установочные политбеседы по таким темам: героическая борьба испанского народа против фашизма; фашизм – злейший враг рабочих и крестьян; международное положение СССР; наша Родина и ее воздушный флот; о завоевании Северного полюса [Там же, л. 69, 140]. Это была важная и полезная работа.

Комсомол в то же
время выполнял
зачистку от
«идейных
перерожденцев»

Беда, однако, состояла в том, что одновременно с педагогически целесообразной работой с детьми комсомол в 1937 г. выполнял (далеко не всегда сознавая это) зачистку школы от так называемых идейных перерожденцев, вредителей и врагов народа. Эта «карательная функция» была навязана ему свыше. Сигнал к началу атаки прозвучал зимой 1937 г. в напутствии секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева школьным комсоргам – выпускникам Московской школы комсомольских пропагандистов: «Помните, что школа – это только начало вашего дальнейшего роста... Беспощадно боритесь с врагами партии и народа. Воспитывайте из комсомольцев и всей советской молодежи верных, беззаветно преданных борцов за коммунизм» [8, л. 14]. А февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) дал комсомолу отмашку на поиск вредителей и «японо-немецких троцкистских агентов» среди широкой партийной общественности и фактически предписал искренне верящей в дело партии молодежи роль метлы, изгоняющей идеологический сор. Год спустя карающей силой комсомола воспользовался НКВД. По запросу заместителя наркома Н. И. Ежова – М. П. Фриновского в течение 15 дней МГК ВЛКСМ были отобраны 300 проверенных комсомольцев для службы в московских тюрьмах, относящихся к ведению Главного управления госбезопасности НКВД [9, л. 2].

Комсомольский конвейер разоблачений работал в полную мощь

Комсомольский конвейер разоблачений заработал в полную мощь. Весь массив материалов, поступавших от «проверенных комсомольцев» в вышестоящие инстанции, можно разделить на две категории: одна фиксировала антисоветские высказывания и «троцкизм» учителей и администрации школ, другая – подобные настроения среди учащихся.

Система была занята поиском скрытых врагов, влияющих на молодежь

Так, в одном из сообщений с мест рассказывалось об изощренных методах влияния скрытых врагов на учащуюся молодежь. На Венюковском заводе инструктором слесарной группы школы ФЗУ трудился раскулаченный в недавнем прошлом Никитин, который сумел установить тесные отношения со своими учениками. Подростки, которые хорошо себя вели и занимались на его уроках, по окончании учебного дня хулиганили, срывали политучебу и читку газет. После того как завуч объявил Никитину выговор за недостойное поведение подопечных, те потребовали «реабилитировать» своего наставника и... вынесли выговор завучу. Доказывая социальную опасность Никитина, информант сообщал о его дружбе с сослуживцем по фамилии Малышев, который был исключен из партии за сокрытие немецких шпионов, а также о «вредительском обучении слесарному делу» – ученики вроде бы не знали пиловки [10, л. 141].

Комсомольские осведомители искали поводы для обвинения преподавателей

Другой комсомольский осведомитель рассказывал об учителе истории Земнове, исключенном в 1927 г. из партии за троцкизм и осевшем в 1-й средней школе г. Клина. Подтверждением виновности становился метод преподавания: «На своих уроках Земнов никогда (даже после процесса над Каменевым и Зиновьевым) не вскрывал контрреволюционной сущности троцкизма, не пользовался сочинениями Ленина и Сталина». Аттестационная комиссия, прибывшая в школу по этому сигналу, отстранила Земнова от работы. Но осведомитель не успокоился. Он сообщал, что положение дел в школе продолжало оставаться угрожающим, вследствие того что остальные учителя не открыли учащимся правду об их учителе, а сказали, что тот был уволен за «формализм в преподавании». Эта уловка, по мнению комсорга, стала косвенной причиной того, что ученики 9 «А» класса написали сочувственное письмо своему бывшему учителю. Согласно протоколу заседания комсомольского актива, перелом в ситуации был достигнут лишь после того, как для разъяснительной работы среди учащихся из райкомов комсомола и партии в школу были направлены политически подкованные работники, добившиеся не только осознания учащимися своей

Информаторы
пытались
выслужиться перед
контролирующими
структурами

ошибки, но и выдачи конкретного зачинщика написания злополучного письма. В доказательство нормализации обстановки в этой школе информант сообщал, что пропагандистскую работу в ней лично возглавил зав. отделом политучебы райкома т. Хрулев [10, л. 12–13].

В зону внимания МГК попала и 3-я школа-новостройка г. Клина. В отсутствие директрисы, временно направленной на работу в аттестационную комиссию, роно назначил руководить школой непроверенного человека Смолина, который в прошлом был белогвардейцем. Новый директор ставил последними уроками в учебном расписании не легкие предметы, вроде физкультуры, а такие трудные, как история, география и русский язык. Вдобавок он при молчаливом попустительстве учительского коллектива за каждую провинность карал учеников оставлением после уроков без обеда еще на час для изучения Сталинской конституции. По словам информанта, «подобного рода издевательства» побудили учеников в декабре 1936 г. устроить забастовку и сорвать шестой урок. Смолин и его подручный – историк Сидоров вернули нарушителей в класс и в порядке наказания заставили их изучать речь т. Сталина на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов. Согласно справке, в феврале 1937 г. обвиненные в самоуправстве школьные работники по суду были уволены, а директор еще и приговорен к году исправительно-трудовых работ. Решением райкома комсомола на работу в эту школу были отправлены два учителя-комсомольца, а также возвращена прежняя директриса [Там же, л. 13–14]. Примечательно то, что авторы сообщения, сами не сознавая этого, вставляли на позицию учащихся: они считали изучение Конституции и сталинской речи изоощренным издевательством над детьми.

Комсорги
становились «оком»
НКВД

Комсорги становились «оком» НКВД в школе: они методично фиксировали «идеологически неверные» высказывания педагогов. Так, в одном из доносов сообщалось, что учитель истории 238-й московской школы Корнев попросил директора: «Дайте мне больше уроков, так как надвигается голод, крестьяне уже голодают». Тот же учитель на митинге, посвященном памяти Г. К. Орджоникидзе, заявил: «Будучи на фронте, мы всегда вспоминали о таких прекрасных людях, как Серго Орджоникидзе, Ленин, Сталин и еще одном человеке, о котором тяжело вспоминать, это Троцкий, он сейчас за границей» [Там же, л. 105]. Донесение комсорга послужило основанием для увольнения чересчур разговорчивого педагога.

Хорошо отработанные сценарии выдавливания чуждых элементов из школ

Таких «сообщений с мест» в архивных материалах множество. Они позволяют говорить о хорошо отработанном сценарии выдавливания чуждых элементов из учительского сообщества. Основа этого сценария – незамысловатый прием выявления лиц с подмоченной репутацией либо с неверным пониманием партийной линии (как в последнем случае), а затем подведение их деятельности под соответствующее уклонение. За этим следовали организационные выводы: «виновного» увольняли или арестовывали, а в школу направляли для профилактики комсомольских активистов. В соответствии с такой схемой политического шефства над неблагонадежными школами в начале 1937 г. кураторы из МГК были прикреплены к пяти московским школам, в том числе к немецкой школе им. К. Либкнехта [11, л. 45–46]. Последняя, по-видимому, уже числилась в наиболее неблагонадежных. Следующее сообщение о ней в материалах МГК относится к ноябрю 1937 г., когда была арестована группа из пяти ее работников – трех учителей географии, историка и библиотекаря [12, л. 105]. В этой связи напрашивается вопрос о причастности (прямой или косвенной) комсомольских информантов к репрессиям школьных работников.

Объем притязаний МГК ВЛКСМ на политический контроль начал интенсивно расти

К лету 1937 г. объем притязаний МГК ВЛКСМ на политический контроль над системой образования явно вырос. В начале июня он добивался от Мосгороно привлечения к ответственности руководителей народного образования Таганского, Коминтерновского, Ленинского и Сталинского районов г. Москвы, допустивших «засоренность классово-враждебными элементами» директорского корпуса и учительских коллективов школ рабочей молодежи. При подготовке к новому учебному году МГК обязал райкомы комсомола вместе с роно провести сплошную проверку директоров и педагогических коллективов школ на предмет выявления «классово враждебных» и антисоветски настроенных элементов.

В 1937/1938 учебном году был взят курс на закручивание гаек

В новом учебном 1937/1938 году МГК нацеливал райкомовские кадры взять под свое плотное наблюдение выполнение школьной программы по изучению Конституции и истории СССР [13, л. 147–148]. По сути, был взят курс на закручивание гаек. Отслеживались любые попытки учеников старших классов взять под защиту некоторых ошельмованных учителей. Например, по заключению МГК, в 3-й школе Таганского района выявленный «враг народа» директор Бахтин в течение долгого времени «разваливал учебную работу школы, глушил критику и дешевыми приемами пода-

Накопление документального массива об умонастроениях учащихся

чек и попустительств вербовал сторонников из среды учащихся. В результате определенная часть учащейся молодежи, в том числе и некоторые комсомольцы, выступили в его защиту». Аналогичный случай произошел в школе Электрокомбината, где взрослые ученики и члены местного комитета комсомола не захотели или «не сумели разоблачить... выступавшего с фашистской агитацией преподавателя Иванцова» [13, л. 145–146].

Помимо того, активизация МГК в школьном деле была обусловлена накоплением большого документального массива об умонастроениях учащихся. Информационные сводки по этой теме в составе фонда МГК отличаются большей развернутостью и конкретностью сведений по сравнению с материалами о взрослых. Информанты давали справку о семье ученика и его близком окружении, приводили факты его собственной биографии, подробно описывали симптомы его «идейно-политической девиации». Первичную классификацию детских демаршей мы обнаружили в справке, подготовленной для секретаря МГК С. Ильинского в 1937 г. Детские политические выпады в ней подразделялись на две категории: одна включала преступления, в которых «контрреволюция» коварно пыталась орудовать посредством детей, используя их вслепую или же подчиняя своему влиянию. Вторая – самостоятельные поступки детей, направленные на подрыв авторитета власти и отрицание свершений социализма.

Комсорги осуществляли предвзятое наблюдение за детьми репрессированных

Материалы МГК отражают пристальное и предвзятое наблюдение комсоргов за детьми репрессированных родителей. Как и для учителей, уличенных в связях с оппозицией, в отношении этих школьников доминировала презумпция заведомой враждебности советскому строю. Их рассматривали и как источник потенциального идейного заражения детского коллектива. Так, в одном из донесений описана история ученика 10 класса 52-й школы Фрунзенского района Л. Арнольдова, 1919 г. рождения, с 1935 г. кандидата в члены ВЛКСМ. Он скрыл от комсомола факт ареста отца (возможно, Арнольдова А. М., директора Транспортной академии, работника НКПС). В течение нескольких лет он не вставал на учет в комсомольской организации Москвы, куда переехал из Воронежа. И, наконец, после публикации в газете «Правда» стенограмм политического процесса с упоминанием его отца не только не захотел от него отмежеваться, но твердо заявил на бюро райкома: «Я не верю в виновность отца, арест его органами НКВД еще ничего не означает, пока я не услышу от самого отца о том, что он был троцкист, не поверю, отца своего я любил и буду любить, так как считаю его невино-

вным». С формулировкой «за неискренность перед комсомольской организацией (сокрытие факта ареста отца), за защиту отца» Арнольдов был исключен из кандидатов в члены ВЛКСМ [14, л. 49].

Исключению из комсомола за сокрытие осуждения родителей-троцкистов подвергались подростки и юноши

Впрочем, как можно судить по материалам МГК, публично высказанное сомнение в виновности родителя не играло решающей роли в вынесении окончательного решения. Такой же санкции – исключению из комсомола за сокрытие осуждения родителей-троцкистов был подвергнут ученик 6-й тульской школы Большов, а также некоторые другие подростки и юноши.

Постоянному мониторингу поступков и высказываний подвергались старшеклассники, не состоявшие в комсомоле

Менее доступны для комсомольских активистов были старшеклассники, не состоявшие в молодежной организации. Чтобы выявить «враждебные уклонения» таких подростков, требовался постоянный мониторинг их поступков и высказываний. Так, в сводках МГК упоминается сын сосланных за троцкизм родителей, ученик 10 класса школы им. Лепешинского Харитонов. Комсорг характеризовал его как замкнутого и очень озлобленного. Во время обсуждения на уроке истории темы «Сталинский план разгрома Деникина» он заявил, что роль Троцкого в гражданской войне незаслуженно принижается, ибо он «умный и энергичный полководец» [15, л. 100–101]. При накоплении определенного количества таких компрометирующих фактов применялся закон о детях высланных родителей.

Одобралось поведение школьника, который осуждал арестованного отца

Одновременно материалы МГК дают представление о том, как должно было строиться правильное поведение школьника – комсомольца из семьи, где кто-либо уже получил приговор или был арестован органами НКВД. Такую картину рисует персональное дело В. Л. Сосновского (ученик 204-й школы Октябрьского района, кандидат в члены ВЛКСМ с 1936 г.). В отличие от Арнольдова он сразу же поставил в известность об аресте своего отца комсомольскую организацию. А на вопрос секретариата о своем личном отношении к исключению из членов партии и аресту отца без тени смущения ответил: «Раз троцкисты подло обманывали партию и правительство, они обманывали и семью, как видно, отец обманул и меня». Это объяснение вполне удовлетворило строгую комиссию – Сосновского восстановили в правах и порекомендовали ему «добиться высоких показателей в учебе и большей активности в общественной жизни школы» [16, л. 50].

Комсорги сотрудничали с НКВД

Когда речь шла о детях репрессированных родителей, с источником «дурного влияния» все было ясно. В других случаях его требовалось установить. Так, уче-

ник 6 класса Можайской школы Грессер, исключенный за хулиганство, в знак протеста пронес в школу большой самодельный плакат: «Долой Сталина, да здравствует фашизм!». Проверка, возбужденная по этому факту, решила, что действием малолетнего нарушителя руководила группа взрослых. Вскоре с помощью органов НКВД эти люди были осуждены по 58-й статье [17, л. 14–15]. В этом случае отчетливо видно сотрудничество комсорга с НКВД: выявить гнездо «контрреволюции» в кругу соседей или знакомых семьи шестиклассника помогла «комсомольская наводка».

Нередко комсорги брали на себя функции следователя

Нередко комсорги брали на себя функции следователя. Вот коротенькое донесение из детдома, заслуживающее воспроизведения в аутентичном виде: «Находясь в Алексинском детском доме, воспитанник Панов задал мне вопрос: «Почему тов. Сталин всегда держит руку вот так, положив правую руку за полу пиджачка?». Я сказала: «Видимо, у тов. Сталина такая привычка». Он протянул: «Нет. Держит так руку он потому, что всегда наготове держит маузер, если кто не так, он раз и готово». Побеседовав с ним, я заинтересовалась, откуда это идет. Выяснила следующее, что он крепко дружит с воспитанником Бондарем, отец которого осужден за контрреволюцию, и беседы у него с Пановым были неоднократны. После этого ребятам рассказали автобиографию о товарище Сталине и других вождах. Уколова» [Там же, л. 106]. Это малограмотное донесение рассматривалось как образец разумной и идейно выдержанной реакции на злокачественный росток в сознании подростка. Комсорг Уколова не только провела разъяснительную работу, но и разобралась в том, кто посеял ядовитые семена.

Подозрения и доносы по поводу идеологической диверсии

Если за этими поисками взрослой направляющей руки стояла хотя бы какая-то логика, то в других она попросту отсутствовала. К примеру, обращение секретаря Уваровского райкома комсомола Селезнева в МК мотивировало острое желание «подкузьмить попа-злопыхателя». Автор сообщал об идеологической «диверсии» попа села Поречья. Однажды он собрал вокруг себя детишек из детского дома и повел с ними разговор о том, «как дети жили раньше и как живут теперь». По словам попа, «раньше дети жили лучше, а сейчас живут хуже». Вскоре воспитанники этого детдома были уличены в ограблении четырех прохожих, у которых они отобрали хлеб и деньги. Автор письма ставил вопрос: «...не является ли Поречский поп наставником детей на совершение краж и грабежей?» И далее:

Осуждались любые виды сочувствия к подсудимым

Комсомольских наблюдателей интересовали подростки, которые в своих играх брали на себя роли троцкистов

Подростки из-за поношений троцкистов романтизировали их как уголовных персонажей

«Прошу расследовать эти факты и призвать, а возможно, привлечь к ответственности оголтелого антисоветчика, который пытается взять под влияние подрастающее поколение» [18, л. 52].

Большой массив сообщений был посвящен поступкам и высказываниям учеников, отражавшим личное отношение к происходящему в стране, в частности к процессу по так называемому параллельному троцкистскому центру. Многие юношеские отклики свидетельствовали о сочувствии к подсудимым. Например, ученик – комсомолец Петров из школы ФЗУ Союзтехмонтажа в кругу своих товарищей выразил сожаление по поводу казни одного из них: «Пятакова зря расстреляли, он грамотный человек и может принести пользу». За это комсомольское собрание исключило его из рядов ВЛКСМ. А ученик 4 класса 214-й школы Октябрьского района Москвы Трошин (сын отца-маляра и матери-домохозяйки, по справке комсорга) вообще заявил: «Лучше бы меня расстреляли, чем Пятакова» [19, л. 104, 143].

Наибольшую обескураженность комсомольских наблюдателей вызывали подростковые попытки игрового воспроизведения судебных процессов. Так, 2 февраля в группе паровозников в Скопинской школе Горпромуча ученики разобрали между собой имена и роли участников – Пятакова, Радека, Сокольников, а предводитель компании ученик Тюрганников (ранее исключенный из комсомола за подделку чеков в магазине) был произведен в «Вышинского». Судя по повторяющимся донесениям, большой переполох среди комсомольцев и учителей вызвала группа из пяти учащихся 6 класса Сараевской средней школы, которые взяли себе имена «троцкистов»: один назвался Троцким, другой Пятаковым, а третий – Седовым. После того как слух об образовании «троцкистско-зиновьевской шайки» облетел школу, две ученицы написали новоиспеченному «Троцкому» заявление: «В троцкистскую шайку... Просим принять нас в вашу троцкистскую шайку, и все твои указания, товарищ Троцкий, мы будем выполнять» [Там же, л. 17, 142].

При всей своей парадоксальности такая популярность фигурантов процесса среди школьников была закономерна. Бесконечное поношение их в советской печати, на радио, на массовых митингах и собраниях трудящихся как бандитов, разбойников, убийц и прочих уголовных персонажей невольно окружало их имена криминальной романтикой. А наиболее часто эксплуатируемый в этой гневной риторике ярлык «бандита» и «разбойника» смыкался в детском сознании с образами благород-

ных разбойников – от Робин Гуда и Дубровского до Григория Котовского, созданными литературой и кинематографом. Поистине космический масштаб злодеяний, приписываемых двум «троцкистским» группировкам («объединенному троцкистско-зиновьевскому центру» и «параллельному троцкистскому») столь же естественно разжигал любопытство к всемогущему лидеру, эффектно руководившему ими из-за рубежа. Похоже, что вылепленный советской пропагандой Троцкий, в особенности в его детском восприятии, предвосхищал образ Воланда из романа Булгакова.

Интерес к «демону русской революции» широко распространился

Разрастающийся по экспоненте интерес к «демону русской революции» шел по нескольким линиям. Во-первых, школьники-книгочеи проявили любознательность в отношении изъятых из библиотек сочинений и портретов Троцкого и даже книг с его упоминанием. 10 февраля после завершения процесса ученик ФЗУ Федяев обратился к помощнику политического руководителя школы с просьбой достать ему книгу «Уроки Октября», за что и был исключен из комсомола. А студент Егорьевского станкостроительного техникума Ступин горячо рекомендовал однокашникам прочесть историю ВКП(б) в авторстве Зиновьева, а также показывал учебник по обществознанию Вольфсона 1923 года издания с портретом Троцкого и хвалебными отзывами о нем [19, л. 36, 142]. Во-вторых, широкий размах получила бравада владением портретов или сочинений Троцкого, даже вопреки тому, что хранение такой полиграфической продукции в домашней библиотеке было небезопасным делом. В-третьих, в нескольких школах Москвы были обнаружены подметные письма-листочки, явно рассчитанные на старшекласников. Комсомольские информанты передавали их содержание: «Троцкий является кристально чистым человеком, искренно любящим русский народ и бесконечно ему преданным», всячески поносился Сталин... говорилось, что смерть Серго Орджоникидзе является не естественной смертью, а его отравили. В заключение указывалось, что в ближайшее время каждому комсомольцу будет прислано индивидуальное письмо с инструкцией, и, если они будут следовать данной инструкции, то «к 1.V. им будет дано по хорошему заграничному костюму и по 100 рублей денег» [Там же, л. 36–39]. Обещание заграничной обновки намекало на кураторство этой акции вдохновителя всех оппозиционных группировок, не ослабляющего связей с внутренним сопротивлением сталинскому режиму даже из зарубежья.

Изображение свастики получило массовое распространение среди школьников

Массовое распространение среди учащихся младших и средних классов приняло изображение свастики. Как сообщали информанты с мест, «ребята рисуют фашистский знак мелом, затем делают отпечатки на спине, на доске, партах, заборах и отдельных домах, прилегающих к школе». Ученик 7 класса 214-й школы Руссанов рассказывал в школе, что он хочет поменять свою фамилию на Арнольдова, сделать такую же прическу, как у Гитлера, а на политинформации, посвященной событиям в Испании, во всеуслышание заявил, что «так им красным и надо, хорошо, что их бьют». А учащийся 9 класса 57-й московской школы Лебедев (сын преподавателей немецкого языка) вообще приветствовал одноклассников возгласом: «Хайль Гитлер!» [19, л. 37, 40]. МГК с сожалением констатировал, что установить источник разлагающего влияния на детей не удалось.

Увлечение фашистской символикой и интерес к поверженным деятелям оппозиции

Увлечение фашистской символикой лежало в той же плоскости, что и острый интерес к поверженным деятелям оппозиции. На фоне педалирования их связей с японо-германским фашизмом подростковое тяготение к нацистской атрибутике становилось одной из форм антиправительственной манифестации. Наряду с распространенным тогда осквернением портретов Сталина [Там же, л. 15, 38, 40], популярность фашистских знаков и фигурантов советских политических процессов среди части подростков отражала стихийный протест против навязываемых пропагандистских оценок.

Игнорирование учащимися социальных запросов: «религиозный фанатизм»

Как бы то ни было, но зафиксированные комсомольским мониторингом факты политической фронды среди учащихся не привели к «охоте на ведьм». «Отличившихся» в этом плане школьников лишь брали на заметку. Например, ученик 5 класса Егорьевской школы С. Штейнгард характеризовался как «буквально религиозный фанатик». Помимо чтения иудаистской литературы, разговоров о боге и пропусков занятий по субботам из-за религиозного запрета, он убеждал одноклассников в превосходстве еврейского народа над русским: «Андреев плохо работал на транспорте, потому что он русский, а Каганович еврей, и дела у него идут лучше». Но подросток не пострадал: над ним взяла шефство пионерская организация школы и вскоре он вступил в пионеры.

Использование членства в комсомоле «в мутных антисоветских целях»

Десятиклассник из 455-й московской школы Шнапир, сын активного меньшевика в прошлом, по данным справки, использовал свое членство в комсомоле «в мутных антисоветских целях». Он дружил с детьми наркома иностранных дел М. М. Литвинова и видного советского дипломата К. Уманского ради того, чтобы

выведывать у них сведения о международных делах, не оглашаемые в советской печати, а также поддерживал связь с корреспондентом французской буржуазной газеты. Отсутствие указания на санкцию, примененную к Шнапиру, скорее всего, говорит о том, что ею стали профилактические беседы и дальнейшее пристальное внимание к его персоне комсомольских органов. А вот его соученик из той же школы Иванов, сын бывшего владельца трактира, уже не отделался так легко. После исполнения приговора над осужденными по делу «троцкистско-зиновьевского центра» этот юноша заявил: «Шестнадцать человек расстреляли, семнадцать тысяч осталось». Против Иванова сработало и наличие у него нагана, а также предосудительное знакомство с переводчиком из китайского посольства и попойки, которые он устраивал у себя на квартире для соучеников. Он был арестован органами НКВД [19, л. 103]. И все же в большом досье об умонастроениях и поведении школьников дело Иванова – исключительное. Судя по тем же справкам МГК по абсолютному большинству школьников, попавших в фокус подозрительного внимания высших комсомольских органов, основной мерой воздействия являлась воспитательная беседа, часто – выговор. И лишь в особых случаях применялось исключение из комсомола.

Политические преследования мало коснулись старшекласников

В отличие от других категорий комсомольцев – студентов, служащих, рабочих, школьная компонента в большом массиве персональных дел, отраженных в материалах МК и МГК, почти не прослеживается. Тот факт, что политические преследования мало коснулись старшекласников, подтверждают и мемуарные источники. Так, по свидетельству И. А. Шихеевой-Гайстер, к концу 1937 г. у 25 ее однокласников из престижной 19-й школы на Софийской набережной были арестованы родители. Но ни один из них не был изгнан из школы, а многие (как и сама мемуаристка) смогли вступить в комсомол [20, с. 59, 77]. Да и учительство пострадало меньше других профессиональных сообществ. По данным Е. Т. Юинга, оно занимало 10-ю строку в списке из 13 профессиональных групп, подвергшихся репрессиям [21, с. 238]. И это невзирая на то, что система предъявляла такой же запрос на «избиение» кадров в системе образования, как и во всех прочих сферах деятельности!

Борьба за «сознательность и активность в выявлении вредительства»

Так, 5 февраля на городском совещании работников образования один из участников обрушился с критикой на районное и городское начальство за недостаточную сознательность и активность в выявлении вредитель-

ства в подведомственных им учреждениях. В пример он ставил рабочие коллективы, в частности труженников завода «Серп и молот», которые максимально оперативно отреагировали на лозунг «Овладеть искусством распознавать врага, в какую бы личину он ни рядился» [22, л. 1–1 об.]. Педагогический печатный орган «За коммунистическое воспитание» указывал на осужденного по второму московскому процессу «международного шпиона» И. И. Граше, который, по версии обвинения, внедрился в 1921 г. в аппарат Наркомпроса РСФСР, будучи уже вовлеченным в шпионскую сеть. Газета намекала на то, что следствие и процесс выявили не все его преступные связи в образовательном ведомстве [23, с. 2]. Состоявшийся в апреле–мае пленум ЦК ВЛКСМ, вслед за февральско-мартовским пленумом партии, дал установку на расширенный поиск троцкистов, «бухаринцев» и прочих «двурушников», а также призвал комсомольский актив усилить воспитательную работу среди учащихся в духе ненависти ко всяким попыткам антисоветской деятельности [24, с. 345–346]. Всё это были признаки надвигающейся грозы.

Самообследование
с целью выявления
политически
неблагонадежных
элементов

Упреждая погромы на территории детства, руководительница московского образования решила предъявить заинтересованным инстанциям результаты самообследования школ по части выявления политически неблагонадежных элементов. На совещании краевых и областных руководителей образования 13 мая она громкогласно возвестила: «Случайным ли является такой факт, что среди школ Москвы, в самых разнообразных районах и школах за последнее время упорно распространяется песня, направленная против учителей, составленная на мотивы наших революционных песен. Зачитаю некоторые слова:

*«Математика – наука,
Отвратительная штука,
Икс и игрек, без сомненья,
Недостойны сожаленья».*
*«...Я кукарача... и я уроки не учу.
Ненавижу уравненья...»*

и т. д.

Текст этот стравливает ученика и учителя... Это – установка определенной организующей руки, своеобразного центра... Я считаю, что в этом факте мы имеем проявление новых приемов классовой борьбы против нас, которые применяют наши враги... Мы, прежде всего, должны выявлять конкретных организаторов антинародных проявлений в школе, которые до сих пор

Шпиономания
в стране развивалась
в логике абсурда

не выявлены ни нами, ни органами НКВД. То, что мы очень часто по локальным проявлениям не разматываем всего клубка, дает нам все новые и новые рецидивы враждебных антинародных проявлений» [25, л. 4, 7].

В той же логике абсурда, в какой в стране нагнетались шпиономания и борьба с вредительством, куплеты о тошнотворных уроках в подаче городской начальницы приобретали значение идеологической диверсии. А бытовое случаем с выпускником педагогического техникума Стариковым преподносилось как «троцкистское» уклонение внутри педагогического корпуса. Дубровина рассказывала: заигравшийся ученик 3 класса с размаху швырнул циркуль, который чуть не выколол учителю глаз. Разъяренный Стариков сгреб в охапку малолетнего хулигана и вытолкнул за дверь. Перед директором школы он поставил вопрос ребром: либо я, либо он. В ответ на замечание коллег о том, что учитель должен быть готов сложить голову за дело, которое ему поручила партия, он решительно возразил: «Нет, пускай голову складывают другие, а я свою голову не отдам; если бы он мне глаз выколол, я бы его с третьего этажа спустил». Обиженный учитель не поменял своего мнения даже в кабинете заведующей Мосгороно [Там же, л. 6].

Реверсивная схема
действий, освоенная
учительским
сообществом

Вряд ли столь неловкая попытка придать политический смысл бытовым школьным неурядицам ради того, чтобы отвести удар от своего ведомства, могла обмануть недремлющих комсомольских наблюдателей. Но, если судить по фактам, главная цель была достигнута. Причиной невысокой практической отдачи комсомольского прожектора в школьных стенах являлась реверсивная схема действий*, освоенная учительским сообществом. Так, попытка оказать нажим на школьников – детей арестованных родителей – могла обернуться трагедией, которая при содействии учительства была бы списана на комсорга. В мае 1938 г. на бюро МГК остро критиковалась работа комсоров 172-й и 340-й школ Москвы, где две ученицы покончили жизнь самоубийством. Комсоргам этих школ вменялась в вину халатность, так как при наличии сигналов о «нездоровых настроениях» девочек, как следует из протокола, «никаких мер к познанию этого дела... не было предпринято». Эти школы МГК брал на особый учет и рекомендовал райкоммам комсомола взять под свое руководство воспитатель-

* *Реверс* [лат. reversus – обратный] – обратная сторона медали; *реверсивный* [лат. reversus – обратный] – служащий для изменения направления движения.

Учительское сообщество было вынуждено защищаться от негативных инициатив комсorghов

ную работу в их детских коллективах [26, л. 6–7]. Характерно, что иных прецедентов такого рода материалы МГК не содержат. По всей видимости, преподнесенный урок оказался впечатляющим.

Учительское сообщество, вынужденное защищаться, вырабатывало и другие способы разделаться с неудобным комсоргом. На 1937–1938 гг. приходится вал персональных дел, в которых отчетливо просматривалось стремление учителей подловить комсorghов на промахе. В конце января на секретариате МГК слушалось персональное дело комсorghа 181-й школы Коминтерновского района, который выпустил стенгазету с портретами осужденных «троцкистов». Нетрудно догадаться, кто незамедлительно донес об этом факте райкому. Злополучный комсорг, обвиненный «в потере классовой бдительности», был не только снят с работы, но и исключен из ВЛКСМ [27, л.45]. Порой школьные работники выступали в роли свидетелей обвинения. Например, группа из директора, педагогов и старшей пионервожатой 71-й школы Киевского района предъявила секретариату МГК доказательства бытового разложения своего комсorghа Баранова. В результате его сняли с должности и перевели из членов ВЛКСМ в кандидаты. Нередко дотошные учителя выискивали у комсorghа нарушения финансовой дисциплины. Например, комсорг 359-й школы Москворецкого района Кузин за незаконное получение, помимо должностного оклада, стипендии в Нефтяном институте был снят с работы и подвергнут строгому выговору с предупреждением [28, л. 53–54].

Пик «побоища» комсorghов пришелся на вторую половину 1937 года

Пик «побоища» комсorghов пришелся на конец лета и осень 1937 г. Этому в немалой степени способствовала директива IV Пленума ЦК ВЛКСМ «О работе врагов народа внутри комсомола» от конца августа, перенаправлявшая, по словам А. Косарева, поиск «различной предательской шпионской сволочи» внутрь самой молодежной организации. Был разжалован 51 человек (члены и кандидаты в члены) из ЦК ВЛКСМ, арестованы 13 секретарей обкомов и крайкомов и ЦК союзных республик. Эта кампания существенно проредила состав МК и МГК: 17 человек были выведены с клеймом «враг народа», 12 – на основании политического недоверия, а шестеро секретарей были арестованы. Накануне ареста покончил с собой секретарь МГК С. Ильинский, курировавший и сферу образования [24, с. 350–352].

Взаимные слежки, доносы и улики

Если на вершущечном уровне отставки и репрессии являлись следствием взаимной слежки, подсиживания, доносов со стороны городского актива, то на низовом уров-

не, по отношению к комсоргам, похожие результаты достигались за счет улик, собранных и пущенных в ход учительским корпусом. Абсолютное превосходство последнего над комсоргами в образовании, численности и сплоченности позволяло не только купировать притязания на полный идеологический контроль школы, но и наносить встречный удар. Черода комсоров, уволенных в конце 1937 г. с «волчьим билетом» (формулировки личного дела – «за недостойное поведение», «за бытовое разложение», «как не справившихся с работой»), не оставляла сомнений в том, что учительскому сообществу удалось отстоять свое положение хозяина в школьном доме. Победный счет закрепила и волна увольнений комсоров по собственному желанию [29, л. 130–131]. Итог этой борьбы подвела резолюция Пленума МГК от 17 января 1938 г., признавшая провальной работу комсоров и райкомов ВЛКСМ в школах. В ней констатировались их «оторванность» «от всей массы учащихся» и неспособность наладить «совместную работу с учительством». В дальнейшем МГК направлял активность комсоров на проведение политбесед, организацию агитколлективов и школьных кружков в тесном сотрудничестве с педагогами [30, л. 6–8].

Конфликт комсомола и учителей стал демпфером для подростков и юношей

Для подростков и юношества конфликт комсомола и учителей стал мягким демпфером*, снизившим травматизм самого сумрачного года советской истории. Под сенью директорского и учительского покровительства порой в школах происходили такие диковинные дела, как регулярный выпуск оппозиционной газеты «Классная неправда», хотя бы и предназначенной для узкого круга школьников. По свидетельству участницы событий Л. Лунгиной, в ней шрифтами газеты «Правда» ученики размещали вольные заметки на злобу дня, в том числе выражая скепсис и недоумение по поводу обвинений, предъявленных фигурантам двух московских процессов. А учуяв опасность для любимой директрисы, исходящую от чрезмерно зоркого и любознательного комсорга Миши, те же подростки отправились в райком искать на него управы! [31, с. 93–96]. Вопреки стойкому убеждению, в роковом 1937 г. школьная жизнь оставляла место для свободы самовыражения и веры в справедливость.

Как социальный институт советская школа достигла к 1937 году своей зрелости

Как социальный институт советская школа к описываемому времени достигла своей зрелости, выразившейся, в частности, и в установлении определенного

* *Демпфер* [нем. Dämpfer – глушитель] – устройство для уменьшения вредных (механических) колебаний путем поглощения энергии колеблющейся системы.

Способность
учительства
к собственному
контролю в зоне
своей
ответственности

динамического равновесия различных групп ее акторов. Стремление одной из них нарушить сложившийся баланс сил мгновенно запускало реакции, нацеленные на восстановление исходного положения дел.

Именно такой эффект породила попытка комсомола с помощью органов правопорядка и должностных лиц Наркомпроса усилить контроль над педагогами в части их работы с трудными подростками. Приведенный в мобилизационную готовность учительский корпус в продолжившейся схватке сумел дать свой симметричный ответ: он защитил школу от комсомольских попыток втянуть ее в процесс политических чисток. Эти события показали способность учительства как ключевого коллективного игрока к собственной «редакционной правке» навязываемых правил и регуляции событий в зоне своей ответственности. Из этой же способности проистекали свойства школы, выделявшие ее среди других институтов и ведомств в 1937 г.: она приняла скользкий, не нокаутирующий удар системы, сохранила в остаточном виде вольный дух детской республики, характерный для предшествующего десятилетия. А главное – существенно уменьшила моральные потери подрастающего поколения от потрясений в социуме.

Плеяда знаковых
событий дала
основание
мажорному настрою

Удивительным феноменом 1937 г. стал тот мажорный настрой, который задавала плеяда таких знаковых событий, как успешное завершение второй пятилетки, триумф советского павильона на Всемирной выставке в Париже, открытие канала Москва–Волга, запуск новых станций московского метрополитена, снижение цен на промышленные и продуктовые товары. Летом вся страна чествовала летчиков, совершивших беспосадочный перелет в Америку через Северный полюс, а с мая 1937 по февраль 1938 г. с напряженным вниманием следила за экспериментальной работой первой дрейфующей станции «Северный полюс». Победную эйфорию не поколебали громкие аресты и разоблачения.

В насыщенном графике 1937 г. все его значимые события сливались в один непрерывный поток. Так, судебное разоблачение и гневное осуждение «фашистских наемников и троцкистских двурушников» в январе–феврале перетекло с 10 февраля в декаду памяти первого поэта России, а летнее чествование героев авиации, перемежаемое разгромом военной оппозиции, плавно перешло в октябрьские празднества.

Школа стала одной из главных площадок проведения юбилеев

Одной из главных площадок проведения юбилеев и празднеств стала школа. Так, к двадцатой годовщине Октября в школах с участием приглашенных лекторов прошли доклады на темы: «О международном положении», «Коварные приемы шпионской работы», «Воспоминания участников гражданской войны», а также пионерские сборы с участием детей Испании. Кроме этого, состоялись беседы по широкому кругу тем: «Оборона Царицына и роль т. Сталина», «Ленин и Сталин – организаторы и руководители Октябрьской революции», «Боевой путь Василия Чапаева», «Волочаевские дни», «Наша родина: а) дооктябрьский период; б) октябрьский переворот»; «Итоги 1-ой и 2-ой пятилеток», «Наши достижения», «О летчиках и парашютистах» [32, л. 141–142]. Даже из простого перечня тем видно, что юбилейные торжества были призваны закрепить в сознании школьников откорректированную недавними разоблачениями версию о подлинных творцах победы в Октябрьской революции и гражданской войне, а также продемонстрировать достижения народного хозяйства за двадцать лет советской власти.

Социальные и культурные перемены стимулировали детскую проективную мысль

Будоражающие перемены и их яркая информационная подача стимулировали детскую проективную мысль. В ее футурологических ответвлениях рекордные для 1930-х авиаперелеты перерастали в межпланетные путешествия, арктические исследования – в комплексное освоение и заселение Арктики и Антарктиды. Интересно, что такими представлениями о будущем через двадцать лет, явно навеянными впечатлениями уходящего 1937 г., в декабре с редакцией «Пионерской правды» поделились ребята из пионерского звена 110-й московской школы [33, с. 4]. Тогда же ученики этой школы, в том числе и будущий известный астроном Е. Б. Костякова, начали выпускать литературный школьный журнал с научно-фантастическими рассказами о путешествиях на другие планеты [34, с. 195].

Пушкинский юбилей превзошел октябрьские дни по размаху и эмоциональной насыщенности

И все же по своему размаху, насыщенности и эмоциональной включенности детей и юношества пушкинский юбилей в школе превзошел октябрьские дни. Отчасти это объяснялось доминирующей ролью в его организации учительства, явно стремившегося использовать данную миссию для обеспечения определенной степени свободы на своей территории. Отчасти тем, что и по замыслу партийного руководства фестиваль литературы был призван утвердить в глазах советских граждан и мировой общественности принципиальное отличие советского культурного строительства от культуркамп-

фа в гитлеровской Германии, с его мракобесием и вандализмом в отношении культурных ценностей. Партийные руководители города доводили до сведения учительства: «Юбилей Пушкина имеет громадное политическое значение, и в пушкинские дни мы демонстрируем наше социалистическое отличие от стран западноевропейского фашизма, где в школьных учебниках зачеркивают Гете и Гейне, а у нас вся страна – от полярников Чукотки до пограничников Приморья – читает и любит Пушкина» [35, л. 31 об.]. По умолчанию это противопоставление распространялось и на пособников европейского фашизма – таковыми считались осужденные по делу «параллельного троцкистского центра», а также «правые уклонисты» – Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, над которыми в середине февраля нависла угроза. Усиление борьбы с врагами народа по ходу литературного праздника наложило свой отпечаток на спланированный заранее тон торжества.

Синкретичное смещение несовместимости: «Наследие Пушкина и коммунизм»

Еще в начале января в серии газетных публикаций В. Я. Кирпотин, зав. сектором художественной литературы ЦК ВКП(б) и автор изданной в 1937 г. монографии «Наследие Пушкина и коммунизм» в порядке инструктажа рядовых докладчиков четко обозначил объекты критики. Это были «...самодержавие, светское общество, крепостническое дворянство» – злокозненные силы, чинившие препятствия творчеству Пушкина. Касаясь скользкой темы соотношения пушкинского общественного идеала с коммунистическим учением, автор предостерегал читателей от их вульгарно-социологического отождествления: «Представление о свободе личности в коммунизме много шире, богаче и конкретнее, чем идеал Пушкина... *в Пушкине мы видим раннего провозвестника прав личности, утверждаемых социалистическим и коммунистическим общежитием*» (курсив наш. – И. В.) [36, с. 3].

Однако по ходу самих юбилейных торжеств некоторые из этих установок были проигнорированы. Выступавшие смели грань между научным социализмом и пушкинскими взглядами, на которой все же настаивал именитый литературовед. В гневных тирадах против гонителей поэта исчезли даже глухие упоминания о его прижизненном признании.

«Только в нашей стране творчество Пушкина стало всенародным достоянием»

Пример подал председатель Всесоюзного Пушкинского комитета нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов. На официальном заседании в Большом театре по случаю открытия праздника он провозгласил: «...в николаевской России был затравлен один из великих умов русского

народа. Пушкин наш! Только в стране социалистической культуры окружено горячей любовью имя великого поэта, только в нашей стране творчество Пушкина стало всенародным достоянием. Пушкин принадлежит тем, кто под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество, он принадлежит народам СССР, которые под великим знаменем Ленина – Сталина идут к коммунизму» [37, с. 11]. Столь же категорично по вопросу о связи Пушкина с советской действительностью высказывалась в передовице от 10 февраля «Правда»: «Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе. В конечном счете творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан». В унисон с наркомом и главным периодическим изданием страны учительская газета «За коммунистическое воспитание» 12 февраля также опубликовала юбилейную статью под заголовком «Пушкин наш!».

Эхо детского творчества на тему «Пушкин наш!»

Детское творчество не только откликнулось эхом на перепевы темы «Пушкин наш!», но и внесло в нее новые мотивы. На фоне льющихся из радиоэфира и со страниц печати призывов «стереть с лица земли фашистских гадов!» в детских стихах зазвучала тема возмездия. Ученица 7 класса 346-й школы Бауманского района Кириллова заверяла тень поэта:

*Поэт любимый наш, ты можешь быть
спокойным,
Поднявши твой упавший пистолет,
Мы отомстили царскому режиму,
Мы без него живем уж двадцать лет.
Сбылось, что ты сказал в своем стихотворенье,
К тебе не заросла народная тропа,
И на твоих бессмертных песнопеньях
Растет и учится великая страна [38, л. 43].*

В сознании школьников прямыми продолжателями идей Пушкина и дворянских идейных борцов становились советские руководители

Привыкшие к дихотомической картине мира подростки смело дописывали финал пушкинского смертоносного конфликта в текущем моменте – с соответствующей расстановкой фигур по ту и эту сторону барьера. Так, выступивший на массовом митинге 10 февраля ученик 114-й школы Алексей Дубровский твердо знал, кто мог бы поднять руку на национальную святыню в настоящем времени: «Гнев наполняет нас при мысли, что... Пушкина, этого гиганта человеческой мысли, тупой и бездарный тиран Николай I гонял с места на место, ограничивал в выборе тем... Гнев наполняет нас

при мысли, что... Пушкина рукою ничтожною Дантеса столкнуло в могилу царское самодержавие.

Вот почему вместе с любовью к Пушкину в нас крепнет ненависть к проклятому прошлому; в нас крепнет ненависть к врагам народа» [38, л. 29].

Подобно постановщикам процессов, которые прихотливо «расфасовывали» обвиняемых по оппозиционным блокам, школьники легко компоновали состав непримиримых лагерей. Прямыми продолжателями Пушкина и дворянских революционеров становились советские руководители, стахановцы, заслуженные работники умственного труда, доблестные защитники Отечества и молодая поросль, вдохновляемая идеями коммунизма.

На противоположном полюсе находились Дантес, Геккерн, Николай I

На противоположном полюсе находились Дантес, Геккерн, Николай I, великосветские ничтожества, а также разномастные вредители и враги советского строя. Вряд ли приходилось удивляться такому прочтению истории. Задав современную и даже злободневную трактовку пушкинского образа, устроители юбилея могли уверенно ожидать от подростков ассоциаций с героями и антигероями идеологических кампаний, заполнивших информационное пространство.

Противопоставление двух эпох

В той же контрастной манере строились зарисовки двух исторических эпох. Беспросветности русской жизни при Николае I противопоставлялось наполненное радостным созиданием сталинское время. Вот как это представлял ученик 10 класса 29-й школы Фрунзенского района Евгений Зайончковский: «Сто лет прошло с тех пор, как не стало этого изумительного мастера художественного слова, борца за свободу, пламенного трибуна угнетенных... Гений великого Пушкина не мог уместиться в рамках царской действительности, он вышел за ее пределы, увидев вдалеке звезду пленительного счастья...

“Здравствуй, племя младое, незнакомое!” – пел поэт. И это племя мы, счастливейшие из счастливых, молодое, иное поколение, которому все дано нашей страной, нашей партией и любимым, дорогим отцом – великим Сталиным». В завершение оратор в стихах пытался отобразить восторг поэта, если бы ему довелось увидеть это наступившее счастье своими глазами:

*Прекрасная заря свободы просвещенной
Взошла над родиной – тебя же с нами нет.
О, если б видел ты народ освобожденный,
Как счастлив был бы ты, любимый наш поэт.*

Обретения
двадцатилетней
советской историей
рассматривались как
сбывшиеся чаяния

Коль скоро обретения двадцатилетней советской истории рассматривались под углом зрения сбывшихся чаяний поэта, общим страстным желанием становилось возрождение Пушкина в светлом сегодняшнем дне. Сюжет перемещения во времени стал источником массового поэтического вдохновения, породив и самые талантливые строки. Участник концерта в Колонном зале Дома союзов, юный пушкинист и стихотворец Женя Фосс приписывал Пушкину, неподвижно стоящему на площади своего имени, роль всевидящего, хотя и пассивного наблюдателя за преображением социалистической Москвы:

*Сто лет прошло с тех пор...
И в бронзе ты стоишь,
На город смотришь с пьедестала
И, кажется, любясь, говоришь:
Так вот она, Москва, какую стала!*

[38, л. 32–36].

А выступавший следом за Женей десятиклассник Семен Горелик пытался представить бронзового Пушкина, сошедшего с пьедестала и двинувшегося в гущу советской жизни:

*Если б ты, внезапно оживленный,
Вдруг сошел и вновь заговорил,
Если бы ты рукою вдохновенной
Струны лиры снова оживил.
Если б снова в блещущем потоке
Понеслись горячие слова,
Если б снова пламенные строки
Загорелись ярче маяка...
Ты б в страну, где счастье расцветает,
Как в семью родную бы вошел.
Только здесь тебя и любят все, и знают,
Ты бы здесь отечество обрел [38, л. 27].*

Пушкинская декада
в школе оказалась
нетривиальной и
познавательной

Несмотря на довольно похожие публичные выступления подростков, пушкинская декада в школе оказалась нетривиальной и познавательной. 10 февраля на Пушкинской площади прошел 25-тысячный митинг у отреставрированного памятника поэту. Наряду с официальными представителями городских властей, стахановцем завода им. Фрунзе Бутусовым, посланцем от Союза писателей Вс. Ивановым, как уже отмечалось, речь произнес и десятиклассник А. Дубровский [39, с. 1].

Декада была
заполнена
концертами,
лекциями
и экскурсиями по
пушкинским местам

В творческий
процесс вовлекались
потенциальные
таланты

Во всех классах 10 февраля были сокращены или вовсе отменены занятия. Привычные уроки заменили утренники и вечера, посвященные Пушкину. Вечером в Колонном зале Дома союзов, в непосредственной близости от Большого театра, где одновременно проходило официальное заседание Всесоюзного Пушкинского комитета, состоялся детско-юношеский торжественный вечер с участием как взрослых, так и школьных докладчиков и артистов.

Оставшиеся девять дней были до отказа заполнены концертами, викторинами, лекциями и экскурсиями по пушкинским местам. Ярких красок в палитру впечатлений добавил кинематограф. Писательница Л. Либединая, пятнадцатилетняя школьница в 1937 г., вспоминала восторженную реакцию своих сверстников на отснятые к юбилейной дате художественные киноленты «Путешествие в Арзрум» режиссера М. Левина и «Юность поэта» режиссера А. Народицкого [40, с. 95]. Кроме того, юбилей дал шанс каждому подростку хотя бы ненадолго почувствовать себя творцом. В школах прошел конкурс произведений научного, литературного и художественного творчества учеников, посвященных пушкинской тематике. Отобранными экспонатам предстояло вначале занять место на школьной выставке, наиболее интересным – в фойе Колонного зала Дома союзов, ставшим штаб-квартирой детского праздника. А самые талантливые отправились на Всесоюзную Пушкинскую выставку, открывшуюся 10 февраля в Историческом музее Москвы [41, с. 3]. В конце марта экспонаты перемещались на городскую выставку детских творческих работ [42, л. 7, 25].

Впрочем, в творческий процесс школы старались вовлечь не только проявленные, но и еще робкие, нераскрывшиеся таланты. Этому способствовала идея изменить на время праздника стандартный школьный интерьер. Учащиеся превратили рекреации и актовые залы либо в условные дома петербургских знакомых поэта, либо в места действия его сочинений. В этом также проявилась попытка вписать пушкиниану в современную эпоху. Впрочем, подобное стремление отличало и многих взрослых художников, создававших свои юбилейные произведения [43, с. 53–54]. Какими бы натянутыми ни казались эти параллели, они вооружали более совершенным, чем прежде, видением истории, в котором достижения советского общественного развития были прочно соединены со славными страницами истории. Из него будет вырастать массовый жертвенный патриотизм на протяжении всех лет Великой Отечественной войны.

Ретроспективная линия, связывавшая воедино гонителей поэта

Столь же глубокие следствия имела и ретроспективная линия, связывавшая воедино недругов и гонителей поэта с сонмом отрицательных социальных персонажей прошлого и настоящего. Этот пропагандистский миф, искажая вещи, как почти и всякий другой, все же упразднял когнитивный диссонанс в восприятии действительности. В этой системе координат политические репрессии и процессы воспринимались «как продолжение революции и гражданской войны» и не порождали трагического отторжения советского социального опыта [44, с. 99, 115]. Какое бы несогласие сегодня ни вызывало идейное воспитание в довоенной советской школе, по словам А. А. Зиновьева, оно было адекватно важнейшим задачам советской модернизации и подготовки к мировой войне [Там же, с. 91–92, 116].

Школа создала некую защиту от калечащих влияний

Как оказалось, школа создала определенную защиту от калечащих влияний внешней жизни, в интересах своих питомцев используя творческий потенциал официальных празднеств. Во многом благодаря этой позиции школа оставалась в памяти своих выпускников храмом, который в самые мрачные годы «тяжелых условий жизни масс населения, массовых репрессий и надзора» помогал сохранять веру в силу человеческого достоинства.

1. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. П-635 (Московский городской комитет ВЛКСМ. Секретариат), д. 177.

2. ЦГАМ. Ф. П-635, оп. 1, д. 153

3. ЦГАМ. Ф. 528 (Московский городской отдел народного образования), оп. 1, д. 565.

4. Ф. П-635, оп. 1, д. 153.

5. Ф. 528, оп. 1., д. 676.

6. Ф. П-635, оп. 1, д. 153.

7. Ф. П-635, оп. 1, д. 159.

8. Ф. П-635, оп. 1, д. 149.

9. Ф. П-635, оп. 1, д. 167.

10. Ф. П-635, оп. 1, д. 178.

11. Ф. П-635, оп. 1., д. 149.

12. Ф. П-635, оп. 1, д. 178.

13. Ф. П-635, оп. 1, д. 159.

14. Ф. П-635, оп. 1, д. 149.

15. Ф. П-635, оп. 1, д. 178.

16. Ф. П-635, оп. 1, д. 149.

17. Ф. П-635, оп. 1, д. 178.

18. Ф. П-635, оп. 1, д. 177.

19. Ф. П-635, д. 178.
20. *Шихеева-Гайстер И.А.* Дети врагов народа: семейная хроника времен культа личности. – М., 2012.
21. *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. – М., 2011.
22. Ф. 528, оп. 1, д. 465.
23. За коммунистическое воспитание, 1937 г. 12.02.
24. *Криворучко В.К. Цветлюк Л.С.* Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны. – М., 2011.
25. Ф. 528, оп. 1, д. 483.
26. Ф. П-635, оп. 1, д. 167.
27. Ф. П-635, оп. 1, д. 149.
28. Ф. П-635, оп. 1, д. 159.
29. Ф. П-635, д. 149; д. 159.
30. Ф. П-635, оп. 1, д. 191.
31. Подстрочник. Жизнь *Лилианны Лунгиной*, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. – М., 2010.
32. Ф. 528, оп. 1, д. 520.
33. Через 20 лет // Пионерская правда, 1937, 28.12.
34. *Костякова Е.Б.* История нашего класса (настоящие «дети Арбата», или самые диалектические) // Сто десятая. – М., 2009.
35. Ф. 528, оп.1, д. 391.
36. За коммунистическое воспитание, 1937 г., 10.01.
37. Рабочая Москва, 1937г., 11.02.
38. Ф. 528, оп.1, д. 486.
39. Вечерняя Москва, 1937 г., 10.01.
40. *Либединская Л.Б.* Зеленая лампа и многое другое. – М., 1911.
41. Вечерняя Москва, 1937 г., 11.02, с. 3.
42. Ф. 528, оп.1, д. 486.
43. *Молок Ю.* Пушкин в 1937 году. Материалы и исследования. – М., 2000.
44. *Зиновьев А.А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца. – М., 2000.

